

УДК 342.7

ТРАДИЦИЯ И ИДЕОЛОГИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

© 2024 г. А. А. Джагарян^{1, *}, И. М. Сокольщик^{2, **}

¹Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва
²Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), г. Москва

*E-mail: schtiller@yandex.ru
**E-mail: isokolshchik@gaugn.ru

Поступила в редакцию 14.12.2023 г.

Аннотация. В статье авторы обратились к пониманию человека в цивилизационном пространстве российской государственности, в национально-конкретном контексте духовно-нравственной и социокультурной среды. Преодоление агрессивных мифологем индивидуалистического либерализма, приведшего к ценностно-мировоззренческому надлому и развивающемуся кризису самой правовую традицию Запада, требует не просто критического (с избеганием при этом рисков скатывания к фанатичному негативизму), а конструктивного, созидательно-творческого подхода, связанного с выявлением и раскрытием самобытных философско-этических основ российского конституционного гуманизма. Осознавая масштаб и характер вынесенных на обсуждение проблем, авторы уделяют внимание главным образом идейно-идеологическим аспектам актуализации конституционной модели правового статуса человека с позиции идентичности отечественного конституционализма. Обосновывается, что в ценностно-мировоззренческом и методологическом плане важно сместить фокус дискуссии вокруг правового статуса человека на исходные начала этико-юридического должностования и, соответственно, на выявление и систематизацию субъективных обязанностей и долга, сопряженных с духовно-нравственными императивами.

Ключевые слова: российский конституционализм, свобода, долг, традиционные духовно-нравственные ценности, социокультурная обусловленность права, конституционная идентичность, кризис демократии.

Цитирование: Джагарян А.А., Сокольщик И.М. Традиция и идеология правового статуса человека в российском конституционализме // Государство и право. 2024. № 7. С. 105–114.

DOI: 10.31857/S1026945224070091

TRADITION AND IDEOLOGY OF THE HUMAN LEGAL STATUS IN RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

© 2024 А. А. Dzhagaryan^{1, *}, I. M. Sokolshchik^{2, **}

¹State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow
²State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow

*E-mail: schtiller@yandex.ru
**E-mail: isokolshchik@gaugn.ru

Received 14.12.2023

Abstract. In the article, the authors addressed the understanding of man in the civilizational space of the Russian statehood, in the national-specific context of the spiritual, moral and socio-cultural environment. Overcoming the aggressive mythologies of individualistic liberalism, which have led to a value-based and worldview schism and are contributing to the evolving crisis in Western legal tradition, requires not merely a critical approach (while avoiding the risks of sliding into fanatical negativism) but a constructive, creatively generative approach. This involves identifying and elucidating the distinctive philosophical-ethical foundations of Russian constitutional humanism. Recognizing the scale and nature of the issues under discussion, the authors primarily focus on the ideological aspects of updating the constitutional model of human legal status from the perspective of the identity of domestic constitutionalism. It is argued that, in terms of value-based worldviews and methodology, it is crucial to shift the focus of the discussion around the legal status of the individual towards the foundational principles of ethical-legal obligation, and consequently, towards identifying and systematizing the subjective duties and obligations associated with spiritual-moral imperatives.

Key words: Russian constitutionalism, freedom, duty, traditional spiritual and moral values, socio-cultural conditionality of law, constitutional identity, crisis of democracy.

For citation: *Dzhagaryan, A.A., Sokolshchik, I.M. (2024). Tradition and ideology of the human legal status in Russian constitutionalism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 105–114.*

Условия стремительно меняющегося мира в кризисной обстановке глобального цивилизационно-мировоззренческого противостояния требуют пристального внимания к ценностно-смысловым аспектам и перспективам конституционного развития. Необходимость демифологизации и актуализированного осмысления идейно-философских оснований российского конституционализма и обустройства в соответствии с этим направлений культурно-правового просвещения и отраслевого регулирования диктуется связью между принятием (восприниманием) конституционных ценностей в качестве достоверного выражения национальной идентичности и обеспечением общегражданской сплоченности, жизнеспособности всей конституционной системы и ее способности отвечать на вызовы времени. Как было давно замечено, «если для цивилиста главное дело понимание догмы, применимой к данному казусу, то для государствоведа нужнее всего понимание среды, государственного строя, исторически сложившегося»¹. При этом отраженные в системе нормативного (формально-юридического) конституционализма национальные ценности оказывают регулятивное воздействие на все отраслевое регулирование (к примеру, резонно ставится вопрос об исторической российской модели права собственности²).

Прощание с иллюзиями, едва ли простое и не лишённое досады, но, надо признать, безальтернативное и вместе с тем содержащее вполне определенный потенциал для оптимизма, связанного с обретением идейно-исторической цельности, непрерывности отечественного конституционализма и суверенного конституционного идеала, должно быть в первую очередь обращено к пониманию человека в цивилизационном пространстве российской государственности. Правильно ставить этот вопрос в контексте точно подмеченной утраты в общественном сознании доктринального человеческого системообразующего начала, сделавшей это сознание уязвимым для проникновения чуждых нашей культуре жизненных смыслов³.

¹ Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886. Ч. 1. С. 8.

² См.: Нам нужно учение о вещном праве, а не изменения в Гражданский кодекс. Интервью с А.О. Рыбаловым // Закон. 2023. № 7. С. 8–18.

³ См.: Синоков В.Н. Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал рос. права. 2023. № 5. С. 75–85.

Важно видеть и более широкую перспективу, связанную с настоятельной необходимостью глубокого переосмысления российского государства и права на базе безусловного уважения к собственному цивилизационному наследию, через последовательное избавление от комплекса «конституционного самозванца»⁴. Представляется оправданным подход, в соответствии с которым обосновывается собственный характер российской юридической науки, необходимость теоретического осмысления научного достояния, которое содержит русская традиция философии права, преодоление дефицита внимания к собственной научной традиции философско-правового осмысления путей развития общества и государства, гражданина и вообще будущего человечества⁵.

Надо сказать, что проблема преодоления кризиса национальной правовой парадигмы, вызванного привнесенными (заимствованными) методологическими подходами и моделями при обсуждении отечественной конституционно-правовой жизни, свойственна не только России. Авторитетные представители китайской академической юриспруденции подчеркивают необходимость формирования теории Конституции КНР с опорой на опыт исторического Китая, «даже если сначала это может стать вызовом научной уверенности в себе современных китайских ученых-юристов»⁶, а также важность конструирования методологических основ философии права Китая с позиции не только суверенного, но и субъектного («субъективного») Китая, т.е. в аспекте его «собственной идеологической субъективности»⁷.

Существенно прояснившие («стусившие» до степени композиционной целостности, определенности) дух

⁴ Кабышев С.В. О парадигме конституционного права России в новых исторических реалиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 2.

⁵ См., напр.: Зорькин В.Д. Право против хаоса. 3-е изд. М., 2023; Савенков А.Н. Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23.

⁶ Li Su. The Constitution of Ancient China / ed. by Zhang Yongle and D.A. Bell. Princeton, 2018. P. 65.

⁷ Чжэнлай Дэн. Предварительный анализ текущей базовой миссии китайской философии права – «Мировая структура» как историческое состояние. URL: <http://www.aisixiang.com/data/11557.html> (дата обращения: 10.12.2023).

Конституции РФ поправки, внесенные в нее в 2020 г., обязывают к развитию непротиворечивой концептуальной трактовки позиционирования человека в конституционном строе. Приверженный традиционным духовно-нравственным ценностям не по обстоятельствам времени, а по атрибутивному складу, российский конституционный строй, исходящий, как свидетельствует преамбула Конституции РФ, из восприятия памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, исторически сложившееся государственное единство и общность судьбы на своей земле, утверждает — не в противоречии, а в сопряжении с приверженностью тем же ценностям — права и свободы человека, и даже оговаривает их особую («высшую») ценность (ст. 2). С этим соотносится прямое причисление прав человека к составу государственной традиции в политико-доктринальном, программно-стратегическом плане⁸, и это также требует своего осмысления.

Остановимся на обсуждении этой комплексной, многоаспектной проблематики главным образом в свете политико-правовой конституционной идеологии, имея в виду, между прочим, что конкретно-прикладные аспекты актуализации конституционной модели правового статуса человека многообразны и специфичны, а их реализация, отнюдь не сводящаяся к вопросу конституционной реформы, обусловлена прежде всего системным пониманием Конституции РФ в соотношении с духом и идентичностью исторически сложившегося отечественного конституционализма.

1. Обращаясь к антропологической стороне российско-го конституционализма, следует в первую очередь оговорить, что сам по себе конституционализм не стоит считать заповедным феноменом только западной правовой цивилизации. Обычно приписываемые ему в обществах данного цивилизационного типа ценности, как мы отчетливо видим сегодня, могут не только обретать многообразие трудносовместимых, двусмысленных и меняющихся трактовок, подверженных селективному применению, но и демонстрировать обширные разрывы между нормативно декларируемыми «вечными» фундаментальными идеалами и социально-нормативной фактичностью. Бюрократические деформации и кризис легитимности западной либеральной демократии, движущейся в сторону «управления пустотой»⁹, развитие юрестократии¹⁰, подтачивающее принципы народного представительства, гражданского участия и выводящее вопрос о ценностно-семантических основах конституционного правопорядка в плоскость узкокорпоративной политической культуры, и иные подобного рода тенденции намечают остроту проблемы сращивания конституционализма и популизма в виде «авторитарного либерализма»: «конституционализм создает условия для процветания популизма, а авторитарный популизм, в свою очередь, порождает и провоцирует все более авторитарную

конституционалистскую реакцию»¹¹. По словам Б.Г. Капустина, демократия не просто «перестала быть собственно политическим явлением, став законченно “экономорфной” (функционализируя в качестве рынка)», но и «став эмблемой современного общества, приобрела чудовищную принудительную, авторитарную силу над его обитателями, превосходящую даже силу капитала в плане производимых ею “субъективных эффектов”»¹².

Проповедуемая универсальность прав человека развивается в приписываемых им значениях «через спектр исторически воплотившихся форм реализации на Западе и, впоследствии, насильственно трансплантированных в мире»; происходит их «герменевтическое смешение с правовыми категориями западной традиции», которые сами по себе воспринимаются как «прототипы реализации прав человека», а эти права «используются в качестве интерфейса для утверждения универсальности правовых и культурных категорий Запада»; это приводит «к исключительной, а не инклюзивной практике», и все, что является асимметричным или несоизмеримым с вменяемыми трактовками, «автоматически считается не соответствующим правам человека и, в худших случаях, оказывается заклеено знаком бесчеловечности»; в данном контексте права человека закономерно воспринимаются как «оружие культурного империализма», а их «универсализм» — просто как риторический прием, и одновременно в противовес «универсализму в западном стиле» возникает «антагонистический универсализм» (исламский, азиатский, тихоокеанский, африканский и т.п.)¹³.

В этой культурно-юридической парадигме, питающей так или иначе межцивилизационную конфронтацию и социальную напряженность на национальном уровне (в особенности в связи с миграционной политикой) и, что немаловажно, этико-юридический субъективный конфликт — вследствие вменяемой толерантности (как предписываемого, в том числе через политическое насилие¹⁴, самоограничения всеобщности собственной моральной позиции ради неприемлемого, порицаемого самовыражения другого), социально-гуманистический потенциал прав человека, покоящийся на идеях просвещения и духовно-культурного развития, обретает парадоксально-искаженный смысл формально-дисциплинарной власти. Давно подмеченный «великий собственнический эгоизм среднего обывателя», ориентированного на «внешнюю правду» человеческих отношений, а не на их нравственное содержание¹⁵, вводится в состояние правового порядка страхом: «страх перед угрозой, — прямолинейно констатировал Г.Ф. Шершеневич, — основной мотив правового поведения, который лишь преобразуется путем долгого и постоянного действия в мотивы иного рода, в готовность

⁸ См.: пункт 91 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351; п. 5 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809) // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

⁹ Майр П. Управляя пустотой. Размывание западной демократии. М., 2019.

¹⁰ См.: Hirschl R. Towards Juristocracy. The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Harvard University Press, 2004.

¹¹ Wilkinson M. The Rise and Fall of World Constitutionalism, VerfBlog, 2021/10/07. URL: <https://verfassungsblog.de/the-rise-and-fall-of-world-constitutionalism/>. DOI: 10.17176/20211008-061520-0 (дата обращения: 10.12.2023).

¹² Капустин Б.Г. О демократическом фетишизме // Логос. 2020. Т. 30. № 5. С. 213.

¹³ См.: Ricca M. Intercultural Spaces of Law. Translating Invisibilities. Cham, Switzerland, 2023. Pp. 419–427.

¹⁴ См.: Ильинская С.Г. Терпимость и политическое насилие // Полис. 2004. № 3. С. 122–126.

¹⁵ См.: Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 162.

следовать нормам права, потому что они соответствуют поведению, к которому приучил ранее страх»¹⁶.

Как заметил Н. Н. Алексеев, «западничеством надлежит именовать не попытки использования западной культуры в чужих культурных целях, но стремление к теоретическому и практическому отрицанию особого мира собственной культуры во имя культуры западной»¹⁷. Ставить вопрос таким образом, что конституционализм — система гарантий «расширяющихся прав личности», а «решающее значение имеет либеральная трактовка демократии»¹⁸, что конституция — «детище либерализма», позволяющее человеку «почувствовать себя защищенным перед оскалом Левиафана»¹⁹, — не догматизировать ли партикулярный опыт, обращая его в средство апологии; не предрешать ли немалое расточительство в собственном конституционном наследии? Более века назад проф. В. И. Герье в открытом письме к А. И. Гучкову риторически вопрошал: «Разве существует абсолютное конституционное право, обязательное для всех стран и времен?»²⁰ И если либерализм все еще «призывается к тому, чтобы привести всех к единой системе культуры, чтобы уравнивать всех в условиях их духовного развития», то, как не вспомнить по этому поводу тревогу П. И. Новгородцева: «что же станет со своеобразием лиц, с их правом на оригинальное развитие?»²¹.

Конституционализм, освоенный в западной традиции с приоритетом в индивидуалистических трактовках свободы, позднее охвативших также некоторым образом равенство и справедливость, к данному приоритету никак не сводится. Сам индивидуализм, даже в намерениях к абсолютизации, существует лишь в различении и соотношении всегда существующего индивидуального и коллективного, и это последнее, догматически ретушируемое, отнюдь не отменяется. Либеральные претензии по части конституционализма воспроизводят и фокусируют стремление к интеллектуальной экспроприации социальной семантики, притом, что, в частности, свобода, принятая за системообразующее начало классического либерализма, не создается, а только форматируется в нем. В этом плане весьма примечательно, что в отстаивании самоидентификации юридическая педагогика довольно специфической английской конституционной традиции рассматривает изучение конституции Соединенного Королевства через единство понимания «различных исторических, правовых, философских и политических факторов, которые на протяжении столетий

формировали государство», подчеркивая при этом, что «трудно четко провести демаркационные линии между конституционным правом, историей, философией и политологией»; а в понимании конституционализма акцентирует «легитимность действий правительства», «соответствие широким философским ценностям внутри государства»²².

В онтологическом смысле конституционализм сложился как высшая форма проявления правового самосознания народа, характеризует культурно и этико-религиозно обусловленный духовно-интеллектуальный и регулятивно-практический опыт сбалансирования индивидуального и коллективного в жизни суверенного государственно-организованного народа через устойчивую примиряющую и созидательно-творческую гармонизацию присущих ему ценностей, идеалов и образов будущего, обеспечивающую легитимацию и преемственное, сообразующееся с фундаментальным представлением об идентичности, его развитие. Правильно ставятся вопросы учета в осмыслении конституционализма его направленности на гарантирование как от произвола публичной власти, так и от «анархического своеволия индивида либо объединения людей»²³; введения такого ракурса анализа современного конституционализма, который позволял бы уяснить логико-понятийные, технико-процедурные и институциональные основы с «жизнеспособными, т. е. духовными, началами, ориентирующими... на обеспечение благой и счастливой жизни людей и коллективов в государстве»²⁴.

В этом плане конституционализм неотлучен от национальной социокультуры, цивилизационного и социально-исторического контекста, не может быть втиснут в прокрустово ложе единственной правовой системы, традиции или, тем более, определенного институционального дизайна, его постижение и утверждение невозможны в отрыве от правообразующих факторов собственно российской соционормативной и властно-государственной среды в ее геополитическом окружении. Выступая в качестве выражения национальной философии конституционного мировоззрения, российский конституционализм в единстве юридических и тесно связанных с ними иных соционормативных факторов (в том числе культурных, религиозных, нравственных, морально-политических) задает и обеспечивает государственно-правовую идентичность российского народа, что достигается в первую очередь через формирование и гарантирование конституционной идентичности, в том числе в том ее значении, которое характеризует определенность в достоверном понимании Конституции РФ (в единстве буквы и духа) с позиции существа российского конституционализма.

2. Российская конституционная идентичность должна раскрываться с пониманием важности и плодотворности диалогического, эволюционно-исторического подхода²⁵. Нужно учитывать, что диалектика индивидуального

¹⁶ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910. Вып. 1. С. 296, 297. В связи с этим методологическим подходом стоит обратить внимание на то, что в условиях советской юриспруденции, порой причисляемой к т. н. потестарной (силовой) парадигме, общеобязательность юридической нормы обосновывалась как основанная «в первую очередь на убежденности народа в ее правильности, поскольку она выражает волю рабочего класса и всех трудящихся, а меры государственного принуждения играют при этом вспомогательную роль»; норма социалистического права рассматривалась как могущая существовать и в виде правила, «и как государственный призыв к определенному поведению» (см.: Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 141).

¹⁷ Алексеев Н. Н. Русское западничество // Путь. Париж. 1926. № 3. С. 84.

¹⁸ Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты: курс лекций. 2-е изд. М. — Берлин, 2015. С. 684, 686.

¹⁹ Шустров Д. Г. Прирученный Левиафан. Государство как объект конституционно-правового регулирования. СПб., 2014. С. 320, 324.

²⁰ Открытое письмо Александру Ивановичу Гучкову от профессора В. И. Герье // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 140.

²¹ Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 234.

²² Barnett H. Constitutional and Administrative Law. 10th ed. Routledge, 2013. Pp. 4, 5.

²³ Эбзеев Б. С. Конституционное право России. М., 2019. С. 63.

²⁴ Графский В. Г. Конституция и конституционализм в междисциплинарном восприятии (история и современность) // Философия права и конституционализм (материалы Четвертых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца, 2 октября 2009 г., Москва). М., 2010. С. 50.

²⁵ См. подр.: Кабышев С. В. Через диалог с прошлым к обретению будущего: некоторые аспекты наследия Г. Р. Державина для развития современной российской юриспруденции // Актуальные проблемы рос. права. 2023. № 8. С. 11—19.

и коллективного, свободы и долга, конкуренции и кооперации (солидарности), как и иных подобного рода ценностно-значимых категорий, отражает общие закономерности социального развития. Сам по себе примат одних ценностных начал перед другими не служит идентификатором оригинальности политико-правовой культуры и общественно-государственной системы. Важна структурная (соразмерность) и содержательно-смысловая композиция (наполненность) ценностных доминант, предпосылки, условия и цели, под воздействием которых она формируется и развивается, ее устойчивость и динамика, в особенности в периоды преодоления социальных потрясений, аксиологических кризисов.

Отечественная политико-правовая традиция неоднородна, существует в сложной полифонии, составленной уникальным переплетением патриархально-общинного коллективного быта с «равнинной недисциплинированностью» и «славянским индивидуализмом»²⁶, симбиотическим сращением соборной, обществоцентрической, системы с индивидуалистской западноевропейской²⁷. «Наша политическая жизнь, — отмечал К.Д. Ушинский, — совершенно соответствует смешению форм местности азиатской с местностями Европы, — смешению, из которого возникла самостоятельная физиономия нашей страны», и «в этом соединении... скрывается идея назначения нашего государства... самостоятельный тип... а без этой самобытности нет для народа жизни в истории»²⁸. При всей идейно-смысловой напряженности, противоречивости в развитии национальной политико-правовой традиции ее важнейшим и общим энергетическим источником можно считать желание правды (справедливости, справедливости, воплощенной истины) в социальном порядке, с осуществлением которого связывается представление об основном предназначении российской государственности. Коллективизм в российской среде, как в идейно-философском, так и в политико-идеологическом плане, не определяется фактом дисциплинарного подчинения личности коллективу, сугубо охранительно-оборонительными началами (равно как, например, борьбой за независимость в ценностно-политической парадигме деколонизации), проистекает главным образом из сознания необходимости взаимного служения, уступчивости, «соработничества», с которыми связывается восприятие, осуществление и личного достоинства (свободного следования своему высшему призванию) человека, и общественного нравственного идеала. По утопической (но не лишенной достоверности в описании желанного) формуле философии общего дела Н.Ф. Федорова: «жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех». При существовании на разных исторических этапах многообразия несовпадающих позиций, отражающих различное видение национальных государственно-правовых перспектив, можно говорить о воспроизводимой преобладающей приверженности коммунитарному укладу, сами отступления (попытки революционного отмежевания) от которого обосновывались разочарованием от утраты государственно-политической системой способности обеспечивать политическую, экономическую, социальную солидарность эффективным образом.

Исторически сложившаяся национально-ценностная традиция оживляется и развивается действующей Конституцией РФ, исходным пунктом отправления которой, отмеченным

²⁶ Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов. М., 2008. Т. 1. С. 429.

²⁷ См.: Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд. М., 2018. С. 158.

²⁸ Ушинский К.Д. Собр. соч. М. — Л., 1948. Т. 1. С. 117.

первыми же словами конституционной преамбулы, служит признание и утверждение «общей судьбы» многонационального российского народа на своей земле.

Конституционная категория «общей судьбы» подразумевает по крайней мере следующее:

граждане, их объединения, социальные общности, образующие народ, в равной мере связаны его судьбой и должны разделять ответственность за нее, следовать общим целям, ценностям, принципам и нормам, складывающимся на основе исторического социально-государственного взаимодействия и сотрудничества;

сам народ в этом аспекте выступает надвременной, надпоколенческой общностью, рассматривается как взаимосвязанное непрерывное единство сменяющих друг друга прежних, нынешних и будущих поколений, в связи с чем конституционно-правовые интересы народа должны раскрываться и обеспечиваться в их реализации на основе конституционной преемственности, солидарности поколений, в том числе путем допустимых и оправданных исключений в признании воли актуального большинства, если таковая расходится с нравственно-юридическими ценностями, воплощенными в социокультурных основаниях народной субъектности в конституционном строе;

общность судьбы российского народа не только является объективной историко-культурной, политико-экономической и духовно-нравственной основой, с восприятием которой связано формирование общей суверенно-учредительной конституционной воли народа, но также она определяет, пронизывает все содержательно-смысловое наполнение Конституции РФ, в том числе в аспекте систематического построения и согласованной реализации конституционных ценностей.

Соответственно, человек как гражданин, ассоциированный соучастник народного суверенитета исходным образом определяется в конституционном строе с причастностью и верностью общей судьбе народа, его конкретизированное субъектное позиционирование в системе конституционных отношений должно соотносываться (включая непротиворечивую, взаимосогласованную интерпретацию применимых конституционных положений) с глубинными социокультурными факторами, определяющими нравственно-юридическую и ценностно-идеологическую парадигму народа. Государство же должно быть ориентировано на обеспечение организации идеологических отношений в целях гарантирования незыблости юридически опосредованных фундаментальных духовно-нравственных ценностей, как они отражены в национальном самосознании, и формирование прочной идейной убежденности, нормативной установки человека как гражданина, связанного предметным пониманием свободы и ответственности за судьбу как свою и своих близких, так и своего Отечества.

Собственно, идея свободы в ее национальном конституционном понимании не исчерпывается принадлежностью персоне человека, развертывается с охватом лично-собираемых субъектов, включая высшую форму такой исторической коллективной субъектности, как государственно-соединенный народ.

Институционализированный в государстве суверенитет народа, реализующего учредительную волю в Конституции РФ и осуществляющего полноту своей власти на постоянной, непрерывной и универсальной основе, является политико-правовым эквивалентом и одновременно

экспликацией высшей формы коллективной свободы, на-рододержавие воплощает и одновременно питает (обеспечивает) народоправство.

В этом плане стоит обратить внимание на исконный, сущностно объединительный и созидательный, а не конфликтно-конфронтационный (в соотношении с западноевропейской традицией) характер российской государственности, которая в основном не принималась в нашей среде за вынужденное зло (во избежание зла большего). Идея суверенной власти отнюдь не риторическим образом размежевывалась понятием самодержавия от самовластия (абсолютизма и деспотизма), обосновывалась с позиции господства нравственного идеала, который единым и равным образом связывает самого суверена. «Царь, — по замечанию Н.А. Бердяева, — был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа», а не только «предотвращал атомизацию России... сдерживал анархию»²⁹. Л.А. Тихомиров, подчеркивая, что «в России Верховная власть выращена из жизни христианского народа»³⁰, указывал на сопряженность власти и свободы, кои «лишь различные проявления одного и того же факта — самостоятельности человеческой личности»³¹, на суть самого государства, которое «есть в известных отношениях высшее торжество человеческой свободы»³². «Только в государстве, — писал Б.Н. Чичерин, — может развиваться разумная свобода и нравственная личность», оно является «полнейшим выражением общительного естества человека»³³. В духовно-нравственной связи государства и народа В.Н. Лешков видел начала консерватизма, который «не был застоєм, а плавным движением целого океана волн, не приметным только для беглого взгляда»³⁴.

Историческое понимание российской государственности как органической формы цивилизационного, политико-правового бытия и развития объединенных в народ людей, осуществляющих таким образом свое призвание, предназначение в общественной жизни, определяет и особенности восприятия, утверждения правового статуса человека, его свободы.

3. Как заметил С.П. Шевцов, право — условия реализации (полномочия) своей бытийной функции, которая необходимо предполагает целестремительность (целестремленность), а потому вопрос о первичности и соотношении прав и обязанностей утрачивает актуальность: право (в той мере, в какой оно существует) — всегда и есть обязанность, и наоборот³⁵. Верность этой констатации с позиции принципиального понимания формального механизма правового регулирования и структуры правоотношений (тем более при закреплении в ст. 75¹ Конституции РФ принципа сбалансированности прав и обязанностей), не отменяет, однако, того факта, что определяемое социокультурными особенностями общее восприятие и укоренение в правосознании представлений об исходных началах в положении

и роли человека в обществе и государстве (собственно, в понимании «бытийной функции», которая может быть обращена и на самое себя) оказывает решающее воздействие на функционирование всей правовой системы, ее социальные эффекты, вне зависимости от формального признания юридического долженствования и корреспонденции прав и обязанностей. Коллизионность, рассогласованность в ценностно-мировоззренческих и нормативно-регулятивных аспектах юриспруденции, необоснованное возвеличивание, в частности, индивидуальной свободы как самодовлеющего, целеполагающего начала, создает предпосылки к социальной дезинтеграции и дезорганизации.

Работающая правовая система всегда базируется на социокультурной матрице, должна быть адекватна соотнесена с духом народа. Если в западной правовой традиции исходным элементом данной системы стали права и свободы человека³⁶, то в иных правовых традициях, не приверженных индивидуалистическому типу, проистекающему из господствующей идеи самопринадлежности, неприкосновенности личности, за основу берется выраженный в том или ином виде социально-интегративный и созидательно-служебный элемент, формируемый в виде обязанности, долга.

Попытки всеобъемлющей форсированной имплементации в нашей среде либерально-индивидуалистического типа правового позиционирования человека, в том числе подразумевающие отставание соответствующего концептуально-методологического подхода к интерпретации Конституции РФ с вменением ей исходной приверженности логике персонцентризма (т.н. суверенитета личности), встречают резистентность в общественном правосознании. Более того, ведут к нагнетанию социального напряжения, размежевывающего крайности фрустрированного анархизма и командно-административного этатизма, ослабляют общегражданский солидарностный потенциал конституционных ценностей, не допускающих пренебрежения к национальным традициям.

Идеологический аспект философии российского конституционного мировоззрения должен быть сфокусирован на раскрытии адекватного социокультурно обусловленного и востребованного понимания человека в конституционном строе. Данный посыл в сочетании с осознанием важности устойчивого эволюционного развития российского конституционализма и обоснованности в поддержке конституционных интерпретаций, порождающих социально неприемлемый эффект, исключает формально-буквалистское восприятие конституционного текста, ориентирует на системно-ценностное видение конституционного регулирования. Конституция РФ проявляет свое регулятивное воздействие в определенной системе законодательства и в социоисторическом контексте. В публичной аналитике Конституционного Суда РФ развивается подход, в соответствии с которым присущее Конституции РФ начало солидарности «поддерживает осмысление коллективного прошлого многонационального народа России, его настоящего и будущего в ценностных координатах конституционной идентичности, сквозь призму тех ценностей, верность которым на протяжении многих поколений обеспечивала выживание и развитие нашей цивилизации»³⁷.

²⁹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012. С. 36.

³⁰ Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 70.

³¹ Там же. С. 19.

³² Там же. С. 21.

³³ Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 368–370.

³⁴ Лешков В.Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 446, 447.

³⁵ См.: Шевцов С.П. Метафоры права. Право и правовая традиция. М., 2014. С. 361, 362.

³⁶ См.: Невважай И.Д. Право на право как матрица европейской традиции права // Правоведение. 2013. № 2. С. 257–262.

³⁷ Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено

При возникновении конституционных коллизий, в том числе доктринально-интерпретационного характера, солидарность в изложенном ее понимании должна брать верх — и как руководящий методологический принцип конституционного диалога и балансировки, и как непосредственно-содержательный аспект осмысления правового статуса человека.

Российская правовая традиция, вобравшая в себя представления о ценности прав человека, не абсолютизирует их значение, а исходит из духовно-нравственной обоснованности свободы, ее оснований, содержания, форм и пределов реализации, из осознания неотделимой принадлежности человека к человеческому всеединству (роду), но в первую очередь к своему Отечеству. Один из крупнейших идеологов российского консерватизма Л.А. Тихомиров полагал, что «сверх-государственным» правом человека можно определить его право на самостоятельное бытие, как существа нравственно-разумного, чувствующего, обладающего способностью осуществлять стремления своего нравственного разумного бытия. С этим правом человек вступает в области государственности, и в ней не может допустить для него ограничений, ибо это «право» вытекает из его «обязанности» в области духовной природы»³⁸.

Раскрывая суть конституционного понимания человека в российской конституционной государственности, Конституционный Суд РФ выработал общий методологический подход, в соответствии с которым Конституция РФ «не предполагает и не допускает, чтобы гарантированные ею права и свободы человека и гражданина использовались для отрицания конституционного строя Российской Федерации, в котором государство... является конституционной ценностью, подлежащей уважению и защите гражданами... а защита Отечества признается не только конституционной — юридической обязанностью, но и прежде всего долгом гражданина»³⁹. При этом сформированные в конституционно-судебной практике нормативно-доктринальные подходы предполагают в том числе необходимость определения оснований и пределов реализации индивидуальной автономии личности во взаимосвязи с конституционно значимыми общественными ценностями в их традиционном, воспринятом от предков понимании⁴⁰; рассмотрения избирательных прав как института суверенной государственности, обусловленного объективным значением ценности связи с Отечеством⁴¹; раскрытия экономической свободы, в том числе в аспекте права собственности, интеллектуальных прав, с позиции общего блага и утверждения таких конституционных ценностей, как гражданский мир и согласие, устойчивый экономический рост (предполагающий скорейшее внедрение инноваций)⁴². Образованный соединением граждан народ сам «связан правом и конституцией» и не может действовать

решением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г.). С. 8. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).

³⁸ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 570, 571.

³⁹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1398-О // В официальных источниках опубликовано не было.

⁴⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П // СЗ РФ. 2014. № 40 (ч. III), ст. 5489.

⁴¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 797-О-О // СЗ РФ. 2007. № 52, ст. 6533.

⁴² См.: постановления Конституционного Суда РФ: от 13.02.2018 № 8-П // СЗ РФ. 2018. № 9, ст. 1435; от 24.03.2023 № 10-П // СЗ РФ. № 14, ст. 2548.

по принципу “*vox populi — vox Dei*”⁴³, т.е. связан сложившимися в национальной социокультурной среде фундаментальными ценностно-нормативными правовыми идеалами, характеризующими конституционную правосубъектность народа в исторической и цивилизационной перспективе и преемственности.

Традиционно востребованная в целях обоснования либерально-индивидуалистического уклона действующей Конституции РФ формулировка ее ст. 2, определяющая, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», не может быть, однако, верно понята в отрыве от исторического, системно-структурного и цивилизационно-культурного подходов. Смысл данной статьи, отражающей диалог с прошлым с его примерами крайних форм отчужденности человека, состоит в признании не единственности в высшем ранге, но принадлежности к собственно этому рангу (т.е. со смысловым ударением на слово «являются», а не слово «высшей») ценности прав и свобод человека, что согласуется с закреплением данного положения в составе комплекса основ конституционного строя, следом за утверждением российского государства, которое и обязывается, исходя из собственных высших прерогатив конституционной субъектности, признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, определять их нормативное содержание, пределы (путем регулирования) и ограничения.

Как верно замечено, в ст. 2 Конституции РФ права человека «легитимируются постольку, поскольку они служат целям человека в единстве его лично-индивидуальных, общественно-социальных и публично-государственных проявлений»⁴⁴, а в качестве основных, наиболее значимых идей, составляющих российскую концепцию прав человека, следует выделить: доминантную ценность Родины, благополучие которой является основой и условием для самореализации каждого; понимание свободы с точки зрения возможности и необходимости следования своим склонностям, характеру, предназначению; органическую связь свободы и долга, прав и обязанностей; нравственную детерминацию свободы; идею государства как основной силы, хранящей и обеспечивающей свободу, равенство, справедливость⁴⁵.

В российском доктринальном и практическом конституционализме должны быть предприняты системные усилия, направленные на освоение и развертывание модели правового статуса человека на основе (т.е. через жизненное осмысление и творчески-созидательное развитие, а не фанатично-бесплодное воспроизводство) сложившихся в российской социокультурной среде духовно-нравственных традиций, включающих в себя в первую очередь социально-доктринальные ценностные представления традиционных российских конфессий, характеризующиеся принципиальной общностью понимания существа свободы и прав человека.

Так, согласно Основам социальной концепции Русской Православной Церкви «для христианского правосознания идея свободы и прав человека неразрывно связана с идеей служения. Права нужны христианину прежде всего для

⁴³ См.: абзац второй п. 2.2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // СЗ РФ. 2013. № 43, ст. 5622.

⁴⁴ Кабышев С.В. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию). М., 2024. С. 51.

⁴⁵ См.: там же. С. 55.

того, чтобы, обладая ими, он мог наилучшим образом осуществить свое высокое призвание к «подобию Божию», исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством, народом и иными человеческими сообществами» (п. IV.7)⁴⁶. Социальная доктрина российских мусульман предусматривает: «Ислам уважает права человека, ибо они даны Создателем, но эти права не безграничны, их реализация должна приносить пользу и личности, и обществу... Мусульмане, будучи гражданами государства, вправе влиять на то, чтобы принимаемые законодательным органом страны законы более эффективно служили целям правового сдерживания общественного порока и поощрения общественных добродетелей»⁴⁷. В Основах социальной концепции иудаизма в России отражена идея о том, что «человек сохранил свободу избрать с помощью Б-жией правый путь», а право, содержащее в себе «некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества», является «границей, выход за которую грозит разрушением как личности человека, так и человеческого общежития» (гл. 12 «Иудейская этика и светское право»)⁴⁸.

Представляется, что в ценностно-мировоззренческом (идеологическом) и методологическом плане важно сместить фокус дискуссии вокруг правового статуса человека в российском конституционализме на исходные начала этико-юридического должностования и, соответственно, на выявление и систематизацию субъективных обязанностей и долга, сопряженных с духовно-нравственными императивами, что принципиально не расходится с логикой, цивилизационными предпосылками действующего конституционного регулирования. В частности, видится перспективным раскрытие механизма правового регулирования и структурной динамики правоотношений с точки зрения корреляции субъективных юридических обязанностей и прав требования, в том числе с позиции влияния данной концепции на предметное строение правовой системы. В частном праве лица не могут принуждать других лиц к исполнению обязанностей, если таковые не направлены на них, тогда как в публичном праве может быть оправданной конструкция, позволяющая настаивать на надлежащем исполнении субъективных публичных обязанностей, в том числе побуждать к их исполнению (что характерно, между прочим, для выходящих за рамки классического частного права и приобретающих выраженную публично-социальную составляющую современных корпоративных отношений). Такое соотношение частного и публичного начал может привести, с одной стороны, к осознанию ответственности каждого перед каждым за достижение общего блага, а с другой — к уточнению пределов вмешательства в жизнь других лиц.

Каждая обязанность (как первичный элемент правовой системы) базируется на другой обязанности более высокого уровня. Осознание выстроенной (и при этом открытой, незавершенной) системы (пирамиды) социально-юридических субъективных обязанностей, развиваемой и имплементируемой через единую систему образования и воспитания, может способствовать предметному, непосредственному уяснению идеи свободы с позиции необходимого деятельного, добросовестного и ответственного осуществления своей индивидуальности.

⁴⁶ См.: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴⁷ Социальная доктрина российских мусульман. М., 2017. С. 27, 28.

⁴⁸ См.: URL: <http://ros-mir.ru/node/2498> (дата обращения: 10.12.2023).

Представляется оправданной (в том числе в свете неутихающих дискуссий о необходимости подвергнуть ревизии установленное Конституцией РФ регулирование идеологического многообразия) постановка вопроса о закреплении на законодательном (подконституционном) уровне ценностно-мировоззренческих основ многонационального российского народа, отражающих в том числе идейно-смысловые ориентиры, касающиеся субъективных публичных обязанностей человека и реализации в соответствии с ними его свободы, с учетом содержательной конкретизации, развития подходов к пониманию традиционных российских духовно-нравственных ценностей, уже получивших определенное нормативно-правовое оформление.

Российскому конституционализму необходим диалог, не противопоставляющий в противоборстве свободу и долг, а глубоко и нерасторжимо сопрягающий их — в осознании долга, обосновывающего неустрашимость и одновременно невозможность неукротимости, нигилистического своеволия свободы. На переломе тысячелетий Е. Евтушенко, глядя в будущее России, вопрошал: «Как сохранить свободу и терпеть нахальную невежливость свободы? Взять в руки крепостническую плеть? Но выпоротый пишет слабо оды». Ответом он видел взаимную честность и ответственность, которые должны быть осознаны и прочны — к себе и между собой — в отношениях человека, народа, высшего руководства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 2003. С. 162.
2. *Алексеев Н.Н.* Русское западничество // Путь. Париж. 1926. № 3. С. 84.
3. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 2012. С. 36.
4. *Графский В.Г.* Конституция и конституционализм в междисциплинарном восприятии (история и современность) // Философия права и конституционализм (материалы Четвертых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца, 2 октября 2009 г., Москва). М., 2010. С. 50.
5. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса. 2-е изд. М., 2018. С. 158; 3-е изд. М., 2023.
6. *Ильин И.А.* Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов. М., 2008. Т. 1. С. 429.
7. *Ильинская С.Г.* Терпимость и политическое насилие // Полис. 2004. № 3. С. 122–126.
8. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 141.
9. *Кабышев С.В.* Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию). М., 2024. С. 51, 55.
10. *Кабышев С.В.* О парадигме конституционного права России в новых исторических реалиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 2.
11. *Кабышев С.В.* Через диалог с прошлым к обретению будущего: некоторые аспекты наследия Г.Р. Державина для развития современной российской юриспруденции // Актуальные проблемы рос. права. 2023. № 8. С. 11–19.
12. *Капустин Б.Г.* О демократическом фетишизме // Логос. 2020. Т. 30. № 5. С. 213.
13. *Лешков В.Н.* Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 446, 447.
14. *Майр П.* Управляя пустотой. Размывание западной демократии. М., 2019.

15. *Медушевский А. Н.* Сравнительное конституционное право и политические институты: курс лекций. 2-е изд. М. — Берлин, 2015. С. 684, 686.
16. Нам нужно учение о вещном праве, а не изменения в Гражданский кодекс. Интервью с А. О. Рыбаловым // Закон. 2023. № 7. С. 8—18.
17. *Неважжай И. Д.* Право на право как матрица европейской традиции права // Правоведение. 2013. № 2. С. 257—262.
18. *Новгородцев П. И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 234.
19. Открытое письмо Александру Ивановичу Гучкову от профессора В. И. Герье // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 140.
20. *Романович-Славатинский А. В.* Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886. Ч. 1. С. 8.
21. *Савенков А. Н.* Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7—23.
22. *Синюков В. Н.* Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал рос. права. 2023. № 5. С. 75—85.
23. Социальная доктрина российских мусульман. М., 2017. С. 27, 28.
24. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 570, 571.
25. *Тихомиров Л. А.* Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 19, 21, 70.
26. *Ушинский К. Д.* Собр. соч. М. — Л., 1948. Т. 1. С. 117.
27. *Чжэнлай Дэн.* Предварительный анализ текущей базовой миссии китайской философии права — «Мировая структура» как историческое состояние. URL: <http://www.aisixiang.com/data/11557.html> (дата обращения: 10.12.2023).
28. *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 368—370.
29. *Шевцов С. П.* Метаморфозы права. Право и правовая традиция. М., 2014. С. 361, 362.
30. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1910. Вып. 1. С. 296, 297.
31. *Шустров Д. Г.* Прирученный Левиафан. Государство как объект конституционно-правового регулирования. СПб., 2014. С. 320, 324.
32. *Эбзеев Б. С.* Конституционное право России. М., 2019. С. 63.
33. *Barnett H.* Constitutional and Administrative Law. 10th ed. Routledge, 2013. Pp. 4, 5.
34. *Hirschl Ran.* Towards Juristocracy. The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Harvard University Press, 2004.
35. *Li Su.* The Constitution of Ancient China / ed. by Zhang Yongle and D. A. Bell. Princeton, 2018. P. 65.
36. *Ricca M.* Intercultural Spaces of Law. Translating Invisibilities. Cham, Switzerland, 2023. Pp. 419—427.
37. *Wilkinson M.* The Rise and Fall of World Constitutionalism, VerfBlog, 2021/10/07. URL: <https://verfassungsblog.de/the-rise-and-fall-of-world-constitutionalism/>. DOI: 10.17176/20211008-061520-0 (дата обращения: 10.12.2023).
2. *Alekseev N. N.* Russian Westernism // Path. Paris. 1926. No. 3. P. 84 (in Russ.).
3. *Berdyayev N. A.* Philosophy of inequality. M., 2012. P. 36 (in Russ.).
4. *Grafsky V. G.* Constitution and constitutionalism in interdisciplinary perception (history and modernity) // Philosophy of Law and constitutionalism (materials of the Fourth philosophical and legal readings in memory of Academician V. S. Nersesyants, October 2, 2009, Moscow). M., 2010. P. 50 (in Russ.).
5. *Zorkin V. D.* Law against chaos. 2nd ed. M., 2018. Pp. 158; 3rd ed. M., 2023 (in Russ.).
6. *Ilyin I. A.* Our tasks. Articles of 1948—1954. M., 2008. Vol. 1. P. 429 (in Russ.).
7. *Ilyinskaya S. G.* Tolerance and political violence // Polis. 2004. No. 3. Pp. 122—126 (in Russ.).
8. *Joffe O. S., Shargorodsky M. D.* Questions of the theory of law. M., 1961. P. 141 (in Russ.).
9. *Kabyshes S. V.* The Constitution of Russia: traditions of progress (to the 30th anniversary). M., 2024. Pp. 51, 55 (in Russ.).
10. *Kabyshes S. V.* On the paradigm of the Constitutional Law of Russia in new historical realities // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 2. P. 2 (in Russ.).
11. *Kabyshes S. V.* Through dialogue with the past to finding the future: some aspects of G. R. Derzhavin's legacy for the development of modern Russian jurisprudence // Actual problems of Russ. law. 2023. No. 8. Pp. 11—19 (in Russ.).
12. *Kapustin B. G.* On democratic fetishism // Logos. 2020. Vol. 30. No. 5. P. 213 (in Russ.).
13. *Leshkov V. N.* The Russian people and the state. The history of Russian public law before the XVIII century. M., 1858. Pp. 446, 447 (in Russ.).
14. *Mayr P.* Managing the void. The Erosion of Western Democracy. M., 2019 (in Russ.).
15. *Medushevsky A. N.* Comparative constitutional law and political institutions: a course of lectures. 2nd ed. M. — Berlin, 2015. Pp. 684, 686 (in Russ.).
16. We need the doctrine of property law, not changes to the Civil Code. Interview with A. O. Rybalov // Law. 2023. No. 7. Pp. 8—18 (in Russ.).
17. *Nevvazhay I. D.* The right to law as a matrix of the European tradition of law // Law studies. 2013. No. 2. Pp. 257—262 (in Russ.).
18. *Novgorodtsev P. I.* Introduction to the Philosophy of Law. The crisis of modern legal consciousness. M., 1996. P. 234 (in Russ.).
19. An open letter to Alexander Ivanovich Guchkov from Professor V. I. Guerrier // Russian liberals: Cadets and Octobrists. M., 1996. P. 140 (in Russ.).
20. *Romanovich-Slavatinsky A. V.* The system of Russian State Law in its historical and dogmatic development, compared with the state law of Western Europe. Kiev, 1886. Part 1. P. 8 (in Russ.).
21. *Savenkov A. N.* Philosophy of Law in Russia as an ideological and theoretical basis of national legal ideology: history, modernity and prospects // State and Law. 2023. No. 8. Pp. 7—23 (in Russ.).
22. *Sinyukov V. N.* Personality in the Russian legal system: the search for new approaches // Journal of Russ. law. 2023. No. 5. Pp. 75—85 (in Russ.).
23. The social doctrine of Russian Muslims. M., 2017. Pp. 27, 28 (in Russ.).
24. *Tikhomirov L. A.* Monarchical statehood. M., 1998. Pp. 570, 571 (in Russ.).
25. *Tikhomirov L. A.* Guiding ideas of Russian life. M., 2008. Pp. 19, 21, 70 (in Russ.).
26. *Ushinsky K. D.* Collected works. M. — L., 1948. Vol. 1. P. 117 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Alekseev N. N.* Russian people and the state. M., 2003. P. 162 (in Russ.).

27. *Zhenglai Deng*. A preliminary analysis of the current basic mission of the Chinese Philosophy of Law is the “World Structure” as a historical state. URL: <http://www.aisixiang.com/data/11557.html> (accessed: 10.12.2023) (in Russ.).
28. *Chicherin B.N.* Experiments on the history of Russian law. M., 1858. Pp. 368–370 (in Russ.).
29. *Shevtsov S.P.* Metamorphoses of law. Law and legal tradition. M., 2014. Pp. 361, 362 (in Russ.).
30. *Shershenevich G.F.* General theory of law. M., 1910. Iss. 1. Pp. 296, 297 (in Russ.).
31. *Shustrov D.G.* Tamed Leviathan. The state as an object of constitutional and legal regulation. SPb., 2014. Pp. 320, 324 (in Russ.).
32. *Ebzeev B.S.* Constitutional Law of Russia. M., 2019. P. 63 (in Russ.).
33. *Barnett H.* Constitutional and Administrative Law. 10th ed. Routledge, 2013. Pp. 4, 5.
34. *Hirschl Ran.* Towards Juristocracy. The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Harvard University Press, 2004.
35. *Li Su.* The Constitution of Ancient China / ed. by Zhang Yongle and D.A. Bell. Princeton, 2018. P. 65.
36. *Ricca M.* Intercultural Spaces of Law. Translating Invisibilities. Cham, Switzerland, 2023. Pp. 419–427.
37. *Wilkinson M.* The Rise and Fall of World Constitutionalism, VerfBlog, 2021/10/07. URL: <https://verfassungsblog.de/the-rise-and-fall-of-world-constitutionalism/>. DOI: 10.17176/20211008-061520-0 (accessed: 10.12.2023).

Сведения об авторах

ДЖАГАРЯН Армен Арменович —
доктор юридических наук,
помощник депутата Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации;
103265 г. Москва, Охотный ряд, д. 1

СОКОЛЬЩИК Илья Михайлович —
кандидат юридических наук,
декан Юридического факультета
Государственного академического
университета гуманитарных наук (ГАУГН);
119049 г. Москва, Мароновский переулок, д. 26

Authors' information

DZHAGARYAN Armen A. —
Doctor of Law,
Deputy's Assistant, State Duma
of the Federal Assembly
of the Russian Federation;
1 Okhotny Ryad, 103265 Moscow, Russia

SOKOLSHCHIK Ilya M. —
PhD in Law,
Dean of the Faculty of Law,
State Academic University
for the Humanities (GAUGN)
26 Maronovsky Lane, 119049 Moscow, Russia